

**Путь: Орган русской
религиозной мысли**

26. Февраль 1931

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П90

П90 Путь: Орган русской религиозной мысли: 26. Февраль 1931 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 130 с.

ISBN 978-5-458-23509-9

ISBN 978-5-458-23509-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и только привычка въ союзѣ съ равнодушіемъ, притупляетъ въ насъ его ѣдкую остроту. Однако, есть ли достойный исходъ для христіанина — спасаться привычкой, располагающей, видѣть въ Іудѣ лишь мрачную фигуру предателя, черную тѣнь рядомъ съ свѣтлымъ образомъ Учителя? Но развѣ же не ясно, что эта черная тѣнь ложится, какъ тяжелое недоумѣніе, на все теченіе евангельскихъ событій? Среди апостольскаго лика грязный сребролюбецъ, на тайной вечера-предатель, за малыя деньги продающій Учителя, но при этомъ, призванный къ апостольству, почтенный избраніемъ превыше всякаго избранія! Если мы видимъ въ какомъ либо историческомъ дѣятелѣ непроницательность, неумѣніе избрать себѣ сотрудниковъ, такое отсутствіе духовнаго чутья, что онъ можетъ допустить въ ближайшее свое окруженіе въ качествѣ интимнаго сотрудника грязнаго сребролюбца и предателя, то какъ будемъ судить мы объ этомъ? Какъ мы судимъ о духовныхъ вождахъ, которые не умѣютъ отличить святошу, лицемѣра, прельщеннаго, отъ святого и духовнаго угодника Божьяго? Не является ли такая ихъ слѣпота свидѣтельствомъ ихъ духовной ограниченности? А между тѣмъ это же безсознательно переносится на Христа всѣми тѣми, кто видитъ въ апостолѣ-предателѣ только «раба и льстеца». Это есть прямая хула на Христа, думать и говорить, что Онъ могъ просто ошибиться, избирая въ апостолы вора-сребролюбца и на Тайную вечерю допуская низкаго и лукаваго предателя. Онъ, сердцеувѣдецъ, призывая апостоловъ, читалъ въ ихъ душѣ, какъ въ открытой книгѣ, Онъ вѣдалъ всю ихъ жизнь въ прошломъ и настоящемъ («видѣлъ Наѳанаила подъ смоковницей»), давая имъ новыя имена на основаніи этого вѣдѣнія. Послѣ всенощной молитвы Отцу Онъ избралъ и призвалъ двѣнадцать для наученія и пропо-

вѣданія тайнъ Царствія Божія. Онъ, — не только какъ прозорливый мудрецъ, но и какъ Богъ, — вѣдалъ тайны сердца человѣческаго лучше и полнѣе, нежели сами человѣки. Потому надо прежде всего помнить, что Иуда есть Христовъ апостоль, хотя и апостоль-предатель. Мало того. Упрощеніе въ пониманіи Иуды есть въ извѣстномъ смыслѣ приговоръ надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ. Было на землѣ единственное, высшее, святое явленіе человѣка, Назаретскій Учитель, Богъ и Человѣкъ, въ Божественной и человѣческой мудрости избравшій и призавшій къ себѣ двѣнадцать, духовный цвѣтъ человѣчества, его любовь къ Нему. И среди этихъ двѣнадцати, въ отвѣтъ на это призваніе, притаилось предательство, проползла грязная низость. Въ этихъ двѣнадцати явила себя вся человѣческая немощь: и честолюбіе съ властолюбіемъ, и оставленіе Учителя страха ради Іудейска, и самоувѣренная похвальба и отреченіе, — было все, что вытекало изъ немощи, но во всемъ этомъ еще не было низости. Но оказалась и низость, ибо что же можетъ быть болѣе низкаго, какъ эта продажа Учителя на растерзаніе за гроши? Что вообще можно придумать болѣе безчеловѣчнаго и тупого? Если таково человѣчество въ апостольствѣ своемъ, если лучшаго нельзя было выбрать даже во Израилѣ и во всемъ мірѣ, то чего заслуживаетъ такое человѣчество? Поэтому такъ недостаточна здѣсь упрощающая стилизація, которая есть лишь попытка укрыться отъ вопроса, съ превращеніемъ трагедіи апостола въ будничныи доносъ закупленнаго «сотрудника» архіерейскаго застѣнка. Мы стоимъ здѣсь не только передъ человѣческимъ паденіемъ, но и предъ тайной, тайной Христа и Иуды. Эта тайна — страшна, но и спасительна, ибо въ ней открываются пути Божіи и пути человѣческіе, глубины Божіи и глубины творенія. Трудно, тяжело и, м. б., не-

благодарно приближаться къ тайнѣ Іуды, легче и спокойнѣе ее не замѣчать, прикрывая ее розами красоты церковной и заглушая ее сладостными звуками страстныхъ напѣвовъ. Но уже нельзя, однажды увидавъ ее и заблѣвъ ею, отъ нея укрыться, дабы не уподобиться друзьямъ Іова, которымъ брошено было отъ него слово упрека: «такъ и вы теперь ничто: увидѣли страшное и испугались» (Іовъ 6.21.). Отъ этой тайны нельзя отвернуться уже потому, что она включена въ само Евангеліе. Она же включена и во всю человѣческую исторію

КТО ОНЪ ?

Въ небѣ зажглась багровая звѣзда: она то вспыхиваетъ мучительнымъ пламенемъ, то словно погасаетъ темнѣя, печальная, зловѣщая, неспокойная. Она стала насупротивъ звѣзды Виолеевской. Одновременно съ звѣздой Царя Іудейскаго загорается эта странная и печальная звѣзда, въ одномъ созвѣздіи съ другими одиннадцатью звѣздами. Одновременно со Христомъ на землѣ рождается Іуда.

Кто онъ? Что можемъ мы узнать о немъ изъ Евангелій? Евангелія всегда скупы на подробности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при этой скупости они даютъ богатое содержаніе въ немногихъ чертахъ, проведенныхъ рѣзцомъ боговдохновеннаго мастера. Относительно Іуды (какъ, впрочемъ, и многихъ другихъ апостоловъ) они особенно скупы. Только исторія предательства освѣщена въ нихъ яркимъ свѣтомъ, насколько она вплетается въ исторію страстей Христовыхъ, вся же предыдущая жизнь Іуды въ апостольствѣ почти не излагается. Этимъ занялась легенда и на востокѣ и на западѣ, которая разукрасила разными непривлекательными подробностями всю жизнь Іуды, начиная съ самаго дѣтства. При этомъ ему приписана и судьба Эдипа,

убійство отца и бракъ съ матерью¹⁾). Религіознаго значенія эти изображенія Іуды въ сбразѣ чудовища не имѣютъ, уже потому, что кощунственно противорѣчатъ основному евангельскому факту — избранію его во апостола. Тѣмъ не менѣе при внимательномъ чтеніи и сопоставленіи данныхъ Евангелія можно установить многое существенное для уразумѣнія и его сблика и его судьбы²⁾ Имя Іуды³⁾ является распространеннымъ въ новозавѣтную эпоху, причемъ «почти половина Іудѣя являются дѣятелями съ характеромъ религіознымъ, національнымъ, политическимъ», почему можно думать, что имя, данное Іудѣ, указываетъ на особое религіозно-политическое воодушевленіе его семьи» И самый родъ его принадлежалъ къ колѣну Іудину (гор. Каріотъ), такъ что онъ былъ сородичемъ по колѣну Іудину самому Христу, сыну Давидову, скимну изъ колѣна Іудова. «Въ средѣ двѣнадцати апостоловъ одинъ только онъ былъ іудеянинъ, изъ колѣна Іудова». Столь же распространеннымъ было и его второе имя Симонъ (Іо. 6—71), имя его отца или отчество. Среди двѣнадцати апостоловъ, повидимому, было еще три носителя имени Іуды Симона⁴⁾, (не считая

1) Русская богословская литература имѣетъ превосходное и, можно сказать, исчерпывающее экзегетическое изслѣдованіе проф. М. Д. Муретова Іуда предатель (Бог. В. 1906, 7-8, 1907). Въ части экзегетической мы пользуемся выводами этого изслѣдованія, которымъ въ правѣ гордиться русская богословская наука.

2) Ср. проф. Муретовъ, цит. соч. Б. В. 1906, 7-8: Имя Іуды первый получилъ четвертый сынъ Іакова отъ Лии, родоначальникъ царственнаго колѣна Іудова со столицей Іерусалимъ. До Ездры и Нееміи это имя не встрѣчается, но по возвращеніи изъ плѣна оно становится однимъ изъ самыхъ распространенныхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ (перечень ихъ на стр. 541-2).

3) Именованія апостоловъ въ Евангеліяхъ не вполне устойчивы и ясны. «Добраться до историческаго зерна можно, кажется, при предположеніи, что среди апостоловъ было три Іуды съ именемъ Симона: Іуда Симонъ Іаковлевъ (братъ Іакова Алфеева) по прозванію Леввей-Ѳаддей, Симонъ Іуда по прозванію Кананитъ или Зилотъ и Іуда Симонъ, по прозванію Искаріотъ» (Муретовъ. ib 558).

4) Ibid 547-8.

Симона Петра). Такимъ образомъ, имя Іуды, будучи совершенно сбывчимъ, уже выдаетъ въ то же время извѣстную національно-политическую ревность его носителя, личную и фамиліную; вмѣстѣ съ тѣмъ оно является въ достаточной мѣрѣ апостольскимъ. Прозвище И с к а р і о т ъ или С к а р і о т ъ 1) указываетъ на его происхожденіе изъ г. Каріотъ: что изъ Каріота, мужъ каріотянинъ. Какъ прозвище, по смыслу его можно толковать: «человѣкъ городовъ, Stadtemann (Keil) горожанинъ градскій человѣкъ», 2) въ отличіе отъ другихъ апостоловъ, галилейскихъ рыбаей и поселянъ. (Отсюда можно сближать Іуду съ Каиномъ, какъ строителемъ городовъ: Быт. 4, 17). «Вѣроятно же всего, прозваніе Искаріота, какъ подсобныя же названія другихъ апостоловъ (Киѳа — Петръ, Воанергесъ, Леввей—Фаддей, Канаанитъ-Зилотъ) возникло въ средѣ апостоловъ и здѣсь впервые дано было Іудѣ». 3) Впрочемъ, фонетически возможны и инья, смысловыя, толкованія 4) имени Искаріотъ, указующія на фанатическій тяжелый, сомолюбивый характеръ его носителя.

Какъ горожанинъ, съ «пролетарской» психологіей, Іуда является чужакомъ среди простодушныхъ дѣтей природы, несущихъ въ своихъ душахъ лазурь Галилейскаго озера, красу галилейскихъ цвѣтовъ и мерцаніе звѣзднаго неба. Въ немъ рано пробуждена мысль, работающая упорно и однодумно, мечта граничащая съ на-

1) Ів. 547.

2) Ів. 548.

3) Ів. 549

4) «Фонетика произношенія допускаетъ и отъ кагі, получится: «мужъ вражды, противленія, фанатикъ, самолюбъ». Въ такомъ случаѣ возможенъ намекъ на различіе въ характерѣ двухъ Іудъ, составлявшихъ одну шестую пару апостоловъ, такъ какъ другой Іуда прозывается «Леввей или Фаддей отъ lev сердце и hed грудь, т. е. сердечный, душевный, милый, душа-человѣкъ» (548). Ср. молчаливое сопоставленіе двухъ Іудъ у Іо. 14. 22: «Іуда, не Искаріотъ, говоритъ Ему».

вязчивой идеей, о царствѣ Израиля, которое и есть въ глазахъ ревнителей (Зилотовъ) царство Божіе, начинаемое мессіей здѣсь на землѣ. Его душа горитъ мессіанской ревностью и болитъ національной скорбью. Онъ знаетъ также силу и власть денегъ. Зрѣлище народной нищеты и угнетенія дѣлають его революціонеромъ, можетъ быть, толкають его на путь политическаго террора, но вмѣстѣ и «экономическимъ матеріалистомъ» въ его мессіанскомъ социализмѣ. А въ темной глубинѣ души копошится змѣя честолюбія и сребролюбія, низкая *augi sacra fames*. Онъ умѣетъ распорядиться деньгами, почему ему и была поручена скудная, конечно, касса апостольской сѣщины. Деньги соблазняютъ его и въ этомъ смыслѣ онъ — «воръ», сребролюбецъ. Но прежде всего, онъ іудейскій мессіанистъ, какъ многіе вокругъ его, революціонеръ, мессіанскій марксистъ, «большевикъ». Городъ лишилъ его поэзіи души, но онъ пробудилъ въ немъ острую протестующую мысль. Однако, онъ страдаетъ именно отъ своего ума, которымъ не можетъ утишиться его сердце, ждущее и жаждущее любви, и онъ изнемогаетъ въ этомъ противорѣчii. Ему нѣтъ друга въ апостольствѣ, хотя всѣ двѣнадцать апостоловъ раздѣлены на двоицы, такъ что свою пару получаетъ и онъ¹⁾. Но, кромѣ этой апостольской двоицы, есть для него въ апостольствѣ и личная двоица, хотя и отрицательная, какъ полярная антитеза духовнаго облика: это Іоаннъ, возлюбленный ученикъ. Въ четвертомъ Евангеліи мы все время ощущаемъ и эту полярность, и это молчаливое противопоставленіе. Оно выражается даже и въ томъ особомъ отгѣнкѣ

1) Изъ этихъ пяти о двухъ, Іаковѣ и Іудѣ, братьевъ Алфеевыхъ, говорится далѣе, что они, можетъ быть, какъ «братья» — двоюродные -Исуса «не вѣрили въ Господа»: Іо. 7. 5. ср. Мѡ. 12. 46-50 Мр. 3. 31-35 и Лк. 8. 19-21, Ѳома же кромѣ его слова о Лазарѣ (Іо. 11. 16) извѣстенъ своимъ маловѣріемъ въ воскресеніе (Іо. 20. 24)

непримиримости, который присущъ избраженію Иуды въ Иоанновомъ Евангеліи.

Иуда Искаріотъ принадлежитъ къ пяти апостоламъ (Ѳома Близнецъ, Іаковъ Алфеевъ, вѣроятно, братъ его Иуда Леввей-Ѳаддей и Иуда Симонъ Кананитъ и Зилотъ), о коихъ до перечисленія ихъ въ спискѣ двѣнадцати, ничего не сообщается въ Евангеліяхъ¹⁾ Самое послѣднее мѣсто въ этомъ спискѣ занимаетъ Иуда Искаріотъ, очевидно въ виду его предательства и устраненія изъ апостольской среды, какъ и указываютъ выразительно евангелисты: *ὁ καὶ πᾶραδῶκεν αὐτόν.* Мѡ. 10,4; *ὁς καὶ πᾶραδῶκεν αὐτόν.* Мк. 3, 19, *ὁς καὶ ἐγενετο ὁ προδοτής.* Лк. 6, 16. У Иоанна вообще нѣтъ апостольскаго списка. Въ перечнѣ апостоловъ замѣчается явное намѣреніе называть ихъ попарно, вѣроятно, какъ посылались они Христомъ на проповѣдь, причемъ пары опредѣляются: а) родствомъ, родные братья: Петръ и Андрей, Іаковъ и Иоаннъ Заведеевы, Іаковъ и Иуда Леввей-Ѳаддей Алфеевы; б) какими-либо особыми отношеніями до слѣдованія за Христомъ и послѣ: Филиппъ и Наѡанаиль-Варѡоломей (не совсѣмъ ясны отношенія Ѳомы и Матѡея). У Мѡ. и Мр. въ парѣ съ Иудой Искаріотомъ стоитъ Симонъ Кананей или Хананей, но у Луки и въ Д. Ап. пару Иуды Искаріота составляетъ Иуда Іаковлевъ (такая же двойственность и во внѣканоническихъ спискахъ апостоловъ) «По всему надо думать, что дѣйствительная пара Иуды указана именно у Мѡ. и Мр., — Симонъ Кананитъ или Зилотъ, ибо Іудѣ Іаковлеву, брату Іакова Алфеева, всего естественнѣе имѣть парю своего брата Іакова, какъ Петръ и Андрей, и также Іаковъ и Иоаннъ — родные братья апостольствовали вмѣстѣ»¹⁾ О возрастѣ Иуды никакихъ прямыхъ свѣдѣній нѣтъ.

1) Муретовъ Ів. 550.

Остается думать, что онъ, подобно большинству апостоловъ, приблизительно былъ сверстникомъ Христа.

ИУДА-АПОСТОЛЪ.

Хотя лично объ Иудѣ въ исторіи апостольскаго призванія и ничего не говорится, однако, уже то, что говорится о всемъ апостольскомъ ликѣ, относится и къ нему. Господь окруженъ учениками еще ранѣ избранія двѣнадцати, но это избраніе явилось торжественнымъ актомъ исполненнымъ значительности и силы. 1) Это избраніе было самоличнымъ дѣломъ самого Господа: «не Меня вы избрали, Я васъ избралъ и поставилъ» (Іо. 15. 6), согласно волѣ Отца: «Ты Мнѣ далъ ихъ» (17. 9, 12). О самомъ избраніи говорится у Мр: «взошелъ на гору и позвалъ къ Себѣ, к о г о с а м ь х о т ѣ л ь οὐς ἑδεκεν αὐτός. и пришли къ нему, и поставилъ (изъ нихъ) двѣнадцать, чтобы съ Нимъ были и чтобы посылать ихъ на проповѣдь и чтобы они имѣли власть исцѣлять отъ болѣзней и изгонять бѣсовъ» (Мр. 3. 13-15) (И далѣ слѣдуетъ перечень призванныхъ апостоловъ, кончающійся Иудой Искаріотомъ). Этому избранію, въ виду осбенной важности этого акта, предшествовала ночная молитва Господа: «въ тѣ дни взошелъ Онъ на гору помолиться, и пробылъ всю ночь въ молитвѣ къ Богу Когда

1) По Евангелію отъ Маттея ранѣ апостоловъ появляются ученики (5. 1), а этому предшествуетъ еще призваніе двухъ первыхъ паръ: Андрея и Петра и Іакова и Іоанна (4. 18-22). Ученики окружаютъ Его и слѣдуютъ за нимъ въ лодкѣ при укрощеніи бури (Мѡ. 8. 18-25 — Мр. 4. 35-41 — Лк. 8. 22-25), также и въ 9 главѣ (призваніе мытаря). Призваніе апостоловъ разсказывается лишь въ главѣ 10. Въ Евангеліи отъ Марка мы имѣемъ также сначала призваніе двухъ двоицъ (1. 16-20) и затѣмъ выборъ 12 апостоловъ изъ учениковъ (3. 7. 16-19). Наконецъ, у Луки мы находимъ сначала также избраніе двухъ двоицъ (Лк. 5. 1-11), мытаря Левія (5. 27-28), сначала говорится вообще объ ученикахъ (6. 1) и затѣмъ о призваніи двѣнадцати (6. 12-16).

же насталь день, призвалъ учениковъ Своихъ и избралъ изъ нихъ двѣнадцать, которыхъ и наименовалъ апостолами». (Лк., 12-13) Это избраніе, его высшая цѣлесообразность, есть тайна смотрѣнія Божія. Между этими избранными изъ числа учениковъ, удостоенныхъ званія апостоловъ и включенныхъ въ священное число двѣнадцати¹⁾, былъ и Іуда. Разумѣется, это избраніе апостоловъ изъ среды уже извѣстныхъ учениковъ предполагаетъ и личное отношеніе, и личную встрѣчу, и призваніе. Относительно отдѣльныхъ апостоловъ это и повѣствуется въ Евангеліяхъ: такъ особо были призваны двоица Андрея и Петра, Іакова и Іоанна (Мѡ. 4. 18-22. Мр. 1. 16-20, Лк. 5.110), Матѡія (Левія Алѡеева) мытаря (Мѡ. 9. 9, Мр. 2. 14, Лк. 5. 27-28), далѣ Филиппа и Наѡанаила (Іо. 1. 43-50), причѣмъ это избраніе сопровождалось иногда и переименованіемъ (Симонъ-Петръ, Іаковъ и Іоаннъ-сыны Громовы). Относительно же Іуды ничего не сообщается, но это умолчаніе о немъ, какъ еще о пяти апостолахъ, не можетъ, конечно, означать, чтобы и они призывались безъ такого интимнаго, личнаго взаимообщенія и проникновенія Сердцевѣдца въ души ихъ (какъ это относительно Іуды прямо свидѣтельствуется у Іоанна). Это избраніе предполагало, прежде всего, взаимную личную любовь: нелюбимый и нелюбящій апостоль есть *contradictio in adjecto* (и если мы какъ будто и наталкиваемся на него въ Евангеліи Іоанна, то это здѣсь имѣетъ особый смыслъ, ниже подлежащій разъясненію). Эта любовь полагаетъ основаніе особому довѣрію и личной дружбѣ съ Господомъ (Іо. 15. 14-15), и даже

1) Ср. мой очеркъ «Петръ и Іоаннъ, два первоапостола». Paris. 1906. Эта двѣнадцатерица апостоловъ представляетъ собой столь веруемое единство, что послѣ отпаденія Іуды она восполняется новымъ избраніемъ двѣнадцатаго апостола — Матѡія (Д. Ап. 1. 16-26)

въ часъ предательства Иуда слышитъ къ себѣ обращеніе: другъ (*ἑταῖρος*). Господь избиралъ апостоловъ именно такими, какими они были, со всѣми ихъ личными качествами и предрасположеніями, ибо ,какъ говорится въ Евангеліи Іоанна, онъ не имѣлъ нужды, чтобы кто свидѣтельствовалъ о человѣкѣ, ибо самъ зналъ, что въ человѣкѣ (10. 2. 25). И этой безошибочности избранія, конечно, соотвѣтствуетъ то, что въ каждомъ изъ апостоловъ имѣлись его личныя черты, оправдывавшія это избраніе и, такъ сказать, обосновавшія его апостольство. Мы должны принять какъ аксіому Божественнаго сердцездѣнія, что всѣ апостолы, при всѣхъ своихъ человѣческихъ слабостяхъ и ограниченности, были достойны своего избранія, и не составлялъ, конечно, исключенія и Иуда, съ его личными свойствами. (Этому не противорѣчитъ и Іо. 6. 64, 70, о чемъ ниже). Болѣе того, именно эти личныя свойства каждаго изъ апостоловъ нужны были для человѣческой плеромы апостольства, для полноты двѣнадцатерицы. Мы не всегда можемъ установить эти черты, въ частности и относительно Иуды. Конечно, то не была его городская практичность, умѣніе обращаться съ деньгами, благодаря которому въ концѣ служенія ему было поручено распоряженіе «ковчежцемъ» (сначала это, повидимому вѣдалъ ап. Филиппъ: Іо. 6. 5-7). Его общій духовный укладъ націоналиста-ревнителя, горѣвшаго энтузіазмомъ земного царства мессіи въ извѣстной мѣрѣ раздѣлялся и всѣми апостолами въ теченіе всей земной жизни Господа, какъ и даже по Воскресеніи, непосредственно предъ Вознесеніемъ: спрашиваютъ они не въ сіе ли время, Господи, Ты возстановляешь царство Израиллю? (Д. Ап. 1. 6). Но въ немъ онъ былъ особенно рѣзко выраженъ: среди другихъ апостоловъ, мирныхъ поселянъ и рыбаей, имѣвшихъ среди себя лишь